

И.В. Пудиков

БЫЛ ЛИ К.И. ЧУКОВСКИЙ ФРЕЙДИСТОМ?

Аннотация. К.И. Чуковский является самым читаемым автором за всю историю человечества. Уже один этот факт делает актуальным выявление предпосылок его творческого успеха. В статье анализируется влияние на творчество К.И. Чуковского, в частности, его книгу о детской психологии «От двух до пяти», ставшую бестселлером в СССР, фактов биографии писателя, его увлечения концепциями З. Фрейда, М. Кляйн, Д.В. Винникотта, С. Айзекс, контактов писателя с отечественными и зарубежными учеными-психологами. С помощью историко-биографического метода, переписки писателя с представителями творческой интеллигенции, анализа пометок писателя в первоисточниках из его библиотеки выявляются истоки его психолого-педагогической концепции, проводятся сопоставления с трудами зарубежных специалистов. Впервые в отечественной психологии творчества рассматривается психоаналитическая методология классика отечественной детской литературы, прослеживаются связи позиции Чуковского-психолога с работами современных ему психоаналитиков. Делается вывод о психоаналитическом фундаменте и одновременно оригинальности авторской концепции «От двух до пяти», а также его ориентации на работы представителей британской школы психоанализа.

Ключевые слова: психология творчества, творчество Корнея Чуковского, психоанализ, детская психология, педагогическая литература, британская школа психоанализа, психоанализ в СССР, история психологии, классик детской литературы, тираж произведения.

Abstract. Korney Chukovsky is the most widely read author in the history of mankind. Already this fact alone makes it urgent to identify the prerequisites for his creative success. In his article Pudikov analyzes the influence of the facts from the writer's biography, his fascination with the concepts of Freud, Klein, Winnicott, Isaacs, the writer's contacts with Russian and foreign psychologists, on creative writing of Korney Chukovsky, in particular, his book on child psychology «From two to five» which became a bestseller in the USSR. With the help of the historical-biographical method, correspondence of the writer with representatives of the creative intelligentsia, analysis of the writer's notes in the primary sources from his library, the sources of his psychological and pedagogical concept are revealed, comparisons are made with the works of foreign specialists. For the first time in the Russian psychology of creativity the psychoanalytic methodology of the classical author of Russian children's literature is considered, the connections of the position of Chukovsky as a psychologist with the works of his contemporary psychoanalysts are traced. A conclusion is drawn about the psychoanalytic foundation and at the same time the originality of the author's concept of «From two to five», as well as his orientation at the work of representatives of the British school of psychoanalysis.

Key words: edition, classical author of children's literature, history of psychology, psychoanalysis in the USSR, British school of psychoanalysis, pedagogical literature, children's psychology, psychoanalysis, creative writing of Korney Chukovsky, psychology of creative writing.

Творчество К.И. Чуковского (1882-1969 г.г.) – многогранно и многомерно. Помимо известных литературоведческих работ, журналистики, талантливых переводов ему принадлежат многие инновации в области детской психологии до сих пор недостаточно освоенные отечественной педагогикой и возрастной психологией, изложенные им в его небольшой, но фундаментальной работе «От двух до пяти» [29, т. 2]. К. Чуковский «раздвинул границы литературы» [2]. Кроме того, К.И. Чуковский является наиболее публикуемым автором за всю историю человечества [19]. В свете этих фактов, особого внимания заслуживает интерес К. Чуковского к психоанализу, имевший долгую и непростую историю.

В своём, опубликованном почти целиком дневнике К. Чуковский как-то заметил: «Читаю Фрейда – без увлечения» [29, т. 12, с. 145]. Однако, у внимательного читателя нет никаких оснований всецело доверять Чуковскому, который в это же самое время (23 июня 1924 года) пишет сыну: «Я лежу и читаю Фрейда. Читал ли ты этого господина? Забавно. Везу к Лиде – пусть тоже прочтет». К. Чуковский настоятельно советует своим детям познакомиться с работами венского доктора, а ведь по их собственным признаниям, отец мог рекомендовать «к употреблению» только безусловные с его точки зрения ценности, какими являлись английский язык, труд и хорошая литература. Дневник К. Чуковского 1920-х годов содержит мно-

жество аналитических по своему характеру виньеток, таков, например, комментарий описки дочери Лиды: «Лида так переутомлена, что на днях отправила своей гамбургской подруге, Лунц, письмо – не на Гамбург, а на Берлин. Причем ее бессознательное сопротивлялось этой ошибке очень оригинально: вместо Berlin она написала Berbin, удерживая на четвертом месте то же b, которое имеется в Hamburg'e» [29, т. 12, с. 218]. Заметим, что и много позже, в самое, казалось бы неподходящее время, в середине 50-х годов, Чуковский искренне приветствует использование психоанализа в обиходе литературной критики. В письме своей знакомой он без обиняков заявляет: «о Хескерс Пирсоне – какой чудесно вооруженный талант. Юмор, сарказм, душевная теплота, трюизмы, платитюды, психоанализ – все взято им на вооружение, и как я завидую ему, глотая главу за главой: ведь и я мог бы так бы, если бы...» [29, т. 15, с. 426].

Похоже, Чуковский специально выискивал в зарубежной литературе психоаналитические работы, косвенные свидетельства этого – весьма обширны. Так, в письме к зарубежному адресату, мифической Соне Гордон (под этим именем скрывался приятель В. Набокова, Роман Гринберг [9]) Чуковский ненавязчиво пытается прояснить «её» отношение к психоанализу: «Читали Вы этого Хочнера? Какие бы он ни сочинял теории о «fears of castration», «circumcision», «sexual impotence» Хемингвея, все же Хемингвей гигант, великий мастер <...> и ему нужно воздвигать монументы, чему, впрочем, книга Hothchhner'a нисколько не помешает». Здесь же, тестируя загадочную корреспондентку, он как бы невзначай иронизирует: «Заметили ли Вы в том же номере удивительное письмо одной «old-fashioned spinster» Westmorland'a об «anal eroticism» и прочих сексуальных приятностях, о которых бедная не имеет никакого понятия. Письмо, конечно, подделка <...>, но подделка прелестная» [29, т. 15, с. 702].

Откуда у классика-основателя советской детской литературы интерес к психоанализу? Был ли Чуковский фрейдистом? Ответить на этот вопрос позволит более пристальное знакомство с фактами биографии писателя, сопоставление его работы «От двух до пяти» с концепциями современных ему психоаналитиков.

В России конца XIX – начала XX веков сложилась весьма благоприятная почва для психоаналитической философии, недаром русский был первым иностранным языком на который переводились работы Фрейда. Идеи психоанализа буквально витали в российском воздухе до Фрейда [15]. Несколько путей вели будущего классика к психоанализу и мно-

гие факты указывают на то, что он следовал сразу всеми, но еще более вероятно, что психоанализ только «собрал» жизненные наблюдения и мысли Чуковского в систему, придал им форму, развил работу мысли в определенном направлении.

Основные работы Фрейда активно издавались не только до революций 1917 года, но и много позже, в 20-е годы, вплоть до середины 30-х труды психоаналитиков активно публиковались советской печатью и Чуковскому были доступны классические работы в этой области. Например, в журнале «Под знаменем марксизма» Чуковский мог прочесть статьи К. Абрахама, Э. Джонса, В. Райха, М. Кляйн.

Писатель часто и подолгу лечился у психиатров и неврологов. Нет сомнений, что Чуковский с его тягой ко всему интеллектуальному не мог пройти мимо нового тогда, и очень модного «метода доктора Фрейда». Подобным путем к психоанализу пришел Михаил Зощенко, который использовал самоанализ много лет подряд и вызвавший по этому поводу сочувственную запись К.И. в Дневнике. Невротическая природа его состояния была очевидна для даже врачей «общей практики», которые прямоком направляли К. Чуковского на курс лечения к психоневрологу. Один из таких курсов он проходил летом 1924 года, когда лечился у профессора «Ацвасатурова», по поводу «своей бессонницы». В дневнике К. Чуковский описывает в основном физиотерапевтическое лечение, однако, мысли его в это время всецело заняты психотерапией, об этом он пытается разговаривать со всеми мало-мальски образованными обитателями курорта, даже специалиста по лор-болезням, профессора Полякова он склоняет к беседе на эту тему. Профессор «Ацвасатуров» есть никто иной, как М.И. Аствацатуров – известнейший отечественный невролог и психиатр, доктор медицины, практиковавший метод Фрейда. Сферой особого интереса профессора-психоаналитика была аналитическая работа со сновидениями и их символика. Именно М.И. Аствацатурову принадлежит статья «Обзор современных данных о символике сновидений и их диагностическое значение» [3], написанная много позже – в 1935 году, когда психоанализ в СССР был, якобы запрещен. Весьма вероятно, что Чуковский проходил не только курс физиотерапии, но и психоаналитическое лечение у одного из первых российских психоаналитиков. Косвенным подтверждением этого является оживление интереса к работам З. Фрейда, отраженное в письме к сыну, что, кстати, является специфической формой сопротивления (разновидность рационализации) в ответ на чрезмерно активную позицию терапевта, так свойственную первым русским аналитикам.

Лечение у психоаналитика вполне могло разжечь в Чуковском никогда не угасавшее желание познать тайну человеческой души, узнать больше о природе человеке, в том числе и о самом себе, с помощью наукообразных концепций венского профессора и стимулировать не только их изучение, но и применение на практике. Кажется, что и сам Чуковский временами исповедовал фрейдизм или «дикий» психоанализ – представления о мотивах человеческого поведения в примитивном понимании обывателя, например, по свидетельству О. Грудцовой он был уверен в том «что без сексуальности нет таланта, что в ней источник творчества», якобы он всерьез опасался, что «Пастернак после операции предстательной железы перестанет писать» [7, с. 97]. Вполне вероятно, вариант «дикого» психоанализа Чуковский усвоил именно в общении с доморощенными психоаналитиками, которые, в силу особенностей отечественной ментальности и отсутствия постоянного диалога с западными коллегами практиковали крайне схематичный и вульгарный метод, искренне считая его «психоанализом» – недостаток не вполне преодоленный и в наше время и отчасти извинительный в виду сложности самой концепции.

Интерес к психоанализу могли возбудить в Чуковском и некоторые его знакомые, хорошо понимающие, что психоанализ не только эффективный способ лечения неврозов, но и захватывающая философско-антропологическая система. Одним из таких людей был врач-психиатр И.Г. Оршанский, лечивший в 1906 году известного художника-модерниста М. Врубеля. Илья Григорьевич имел в Петербурге собственную клинику, увлекался психоанализом, вопросами детского развития и коррекционного воспитания. Скорее всего, знакомству Чуковского с Оршанским предшествовало очередное лечение молодого критика в престижной клинике. У Ильи Григорьевича был родной брат – Лев Григорьевич Оршанский, тоже психиатр, профессор, видный отечественный ученый, перу которого принадлежит фундаментальный труд, намного опередивший свое время – «Сон и бодрствование с точки зрения ритма», в котором ученый предвосхитил многие позднейшие открытия Фрейда. В книге, вышедшей в 1876 году (на 24 года ранее «Толкования сновидений») декларировался по существу основной принцип психоанализа: «опыт, наблюдение над здоровыми и больными, наконец, размышление уже давно поставили, вне всякого сомнения, самый факт существования бессознательных психических процессов, и мы, считая здесь лишним это доказывать, напомним читателю главные факты и доказательства. Наблюдения

убеждают нас в том, что до нашего сознания обыкновенно достигает только самая ничтожная часть тех впечатлений, которые постоянно действуют на наши органы чувств» [16, с. 64]. Монография Л.Г. Оршанского для своего времени явилась значительным достижением в области сомнологии – науке о сне, некоторые идеи ученого не потеряли своей актуальности и в наше время. Лечение, которое проходил будущий писатель у Оршанского по поводу инсомнии (бессонницы) не могло не опираться на последние достижения мировой науки, к каковым, тогда относился, прежде всего, психоанализ, тем более, что его открытия были вполне созвучны происходящему в душе писателя.

Нет ничего удивительного, что Чуковский, страдавший, жесточайшей бессонницей обратился за помощью к брату известного ученого.

Другой путь, неумолимо приближающий К. Чуковского к литературным исследованиям строения и развития человеческой психики, связан с творчеством другого талантливого русского ученого – Николая Александровича Рубакина (1862-1946). Его вклад в социальную психологию, психологию творчества, к сожалению, не был по достоинству оценен современниками и потомками. Известный библиограф на основе психоаналитической теории построил оригинальную концепцию анализа литературных текстов [22]. Психоаналитическое мировоззрение могло сложиться у Чуковского под воздействием этого самобытного исследователя социально-психологических процессов. С Н.А. Рубакиным Чуковский познакомился в 1911 году, хотя интересовался его творчеством еще с детства. Некоторое представление об отношении К.И. к идеям Н.А. Рубакина дает его восторженное признание в письме к последнему: «Еще мальчишкой – как я собирал копейку за копейкой – складывал, чтобы купить Рубакина... я строчки Вашей не пропускал» [29, т. 14, с. 273].

Общность представлений о взаимодействии читателя с текстом, читательской психологии и читательской социологии отчетливо прослеживается в переписке выдающихся ученых. В свою очередь, Н.А. Рубакин писал К. Чуковскому: «давно хотел я послать Вам самый сердечный привет и выразить наше искреннее восхищение Вашими работами... в основе которых Вы положили принцип чисто библиопсихологический – принцип изучения психологии читателя... как писать – это вопрос и психологии того, для кого книжка предназначена. Вот этот принцип Вы и стали проводить в детской литературе чуть ли не раньше всех... и он вдохнул в Ваши книжки, как и Ваш талант, непреодолимую силу» [29, т. 15]. Чуковский с энтузиазмом отвечал: «Когда пишешь, нужно раньше всего представить

себе все мельчайшие особенности тех, кому адресована книга. Если твоя книга адресована маленьким детям, отдай, пожалуйста, несколько лет изучению их психологии. Только тогда ты найдешь настоящий язык, настоящие жесты, интонации, которые будут обладать настоящей доходчивостью для самых маленьких читателей» [29, т. 15, с. 161-163]. Именно вслед Рубакину пришел Чуковский к пониманию объективных закономерностей построения текстов на основе психоаналитического учения и последовательно применял свои познания для их интерпретации. Чуковский, руководствуясь гениальными прозрениями Н.А. Рубакина создал альтернативную советскую (марксистско-фрейдистскую) герменевтику и последовательно использовал ее в своей работе.

С возрастом, интерес Чуковского к психоанализу стал иным, более глубоким, вдумчивым, серьезным. Если ранее он читал, в основном для себя и, можно сказать «о себе», то в пятидесятые–шестидесятые годы он переходит к настоящей психоаналитической методологии, систематически читает зарубежную психоаналитическую литературу, конспектирует ее, причем круг авторов, привлечших внимание сказочника позволяет отчасти определить его предпочтения внутри психоанализа. Дело в том, что к 50-м годам 20 века психоанализ значительно развился и трансформировался в сравнении с первоначальными теориями его основателя, в нем выделились самостоятельные направления (их принято называть «школами»), между которыми, возникали, подчас, острые дискуссии (наиболее яркий пример – «дискуссия в Британском психоаналитическом обществе» между представителями эго-психологии и последователями Мелани Кляйн). Так или иначе, в середине прошлого века идеи Фрейда воспринимались уже в исторической перспективе. Одно из упоминаний о чтении подобной литературы мы обнаруживаем в дневнике писателя [29, т. 13, с. 267], когда он приводит названия прочитанных книг: «The Child and Outside World» Дональда В. Винникотта. Чуковский также пишет о «The Child and Sex» – главе из книги «The Child and the Family. First Relationships» того же автора. Хотя писатель здесь же обозначает прочитанное как «ерундистику» мы не можем довериться вполне этой записи, во-первых, потому, что книги были прочитаны Чуковским, что называется «взахлеб», за несколько дней, во-вторых, потому, что обе работы представляли собой последние новинки той поры (Чуковский должен был кому-то их целенаправленно заказать) и, наконец, в третьих – обе книги – отнюдь не беллетристика в стиле «доктора Курпатова», а относятся к весьма сложной, специ-

ализированной литературе для профессионалов. Интерес сказочника к психоанализу, очевидно диктуется не легкомысленным любопытством, но глубокой внутренней потребностью, возможно он маркирует всю систему когнитивных ценностей детского писателя. Мировоззрение Чуковского глубоко психоаналитично!

Помимо разнообразных естественнонаучных влияний, благодатную почву для увлечения психоанализом создало еще подростковое увлечение Коли Корнейчукова философией. Юноша проглатывал огромное количество философской литературы, штудировал Маха, Дж. Милля, Спенсера, Ницше, а позже, как мы помним, и сам принялся за написание философского трактата, фрагменты которого опубликованы в СС15. Как следует из дневниковых записей, Чуковский довольно рано, видимо под воздействием произведений Ницше освоил понятие «бессознательного» (запись 14.03.1901), причем не в абстрактно-философском смысле, в котором его употребляло большинство русских философов того времени, а в гораздо более жизненном, психологическом аспекте: «Я знаю насколько бессознательно, невольно исполняет индивидуум требования общества. Я знаю тысячи девушек – и почти не знаю других, – вся деятельность которых направлена к тому, чтобы возбудить в мужчине половое чувство, и которые повесились, если б узнали это» (запись 27.03.1901).

Девятнадцатилетним юношей Чуковский, совершенно независимо от Фрейда приходит к пониманию внутриличностного конфликта! Маловероятно, что в 1901 году Коля Корнейчуков был знаком с работами З. Фрейда, первый перевод которого на русский датируется 1907 годом, тем не менее его понимание бессознательного гораздо ближе фрейдовскому, чем ницшеанскому или какому-либо еще мировоззрению.

Философские искания и литературные пристрастия с детства склеивались в душе будущего сказочника особой чувствительностью к внутреннему миру, своему и чужому, интровертированному интересу к событиям душевной жизни. Современный литературовед, А. Тепляков замечает по этому поводу: «Он искал инстинктивное и подсознательное. Полнота раскрытия таинственных движений души была для него куда важнее всякой идеологии» [25]. И в литературе и в философии искал он, как в зеркале отражения собственных душевных движений. О психологических предпосылках обширной работы К. Чуковского в разных областях литературы уже говорилось [17; 18; 20; 21; 23], уточним только, что его творчество всегда питалось двуединым источником, наряду с бессозна-

тельной мотивацией в нем постоянно присутствует целенаправленная установка сознания, причем постоянно расширяющегося. Исключительность, феноменальность Чуковского и состоит в уникальном единстве этих двух формаций человеческой ментальности. То, что у большинства людей приводит к ригидной консервации внутренних структур и поведения, у К.И. стало неисчерпаемым источником саморазвития, психической пластичности и адаптивности. Именно в этом ключе мы должны воспринимать не только его художественные творения, но и всю литературную деятельность.

В отечественном литературоведении Корней Чуковский бесспорно первым освоил и последовательно применял в анализе литературного творчества писателей понятие «бессознательного». Ирина Лукьянова, единственная из многочисленных исследователей творчества Чуковского отмечает его первенство в этом вопросе [14, с. 161]. Она считает, что «подсознательное», «бессознательное» и прочий филологический фрейдизм появились в текстах Чуковского уже после революции», «однако и за десять лет до нее он руководствовался» принципом выявления в творчестве писателя или поэта бессознательных душевных порывов. «К выводам об интуитивном и подсознательном Чуковский подводит строгий формальный анализ. Правда, всякий раз разный: каждое произведение диктует ему собственный подход» [14, с. 161-162]. Оставим на совести И. Лукьяновой наивно-обывательское понимание концепции З. Фрейда – в основе своей интуитивное открытие верно! С особенностью «метода» связывает И. Лукьянова литературные пристрастия сказочника, давшие начало новым жанрам, новым открытиям и, в целом – литературоведческому успеху Чуковского.

В письме Горькому Чуковский выразил свою к тому времени уже сформировавшуюся позицию: «Я затеял характеризовать писателя не его мнениями и убеждениями, которые могут меняться, а его органическими, инстинктивными, бессознательными навыками творчества, коих часто не замечает он сам. Я изучаю излюбленные приемы писателя, пристрастие его к тем или иным эпитетам, тропам, фигурам, ритмам, словам, и на основании этого чисто-формального, технического, научного разбора делаю психологические выводы, воссоздаю духовную личность писателя» [29, т. 14, с. 446]. Через три года, Чуковский характеризовал подобным способом самого Горького: «Оттого-то у него две души, оттого-то между его инстинктами и его сознанием такой вопиющий разлад. Все его инстинкты, бессознательные тяготения, симпатии, вкусы принадлежат одному миру, всё его сознание – другому» [28, с. 69].

Благодаря природной ясности ума, не имея полноценного образования, Чуковский, сумел ухватить и развить главное – литература, как и прочие виды искусства, и вообще человеческой деятельности – это прежде всего проявление человеческой личности и только потом – социально-исторического контекста. Его творческий метод складывается постепенно, шаг за шагом находит он твердую почву интерпретации не только литературных, но и любых других фактов. Чуковский приходит к тому, что выявляет коды «текстовых организаций», «знаковых систем» и «семиотических практик» задолго до Ролана Барта и Юлии Кристевой. «Метод Чуковского» характеризуется истинно научной универсальностью, не важно, какие данные интерпретируются, важен сам алгоритм поиска! Успех Чуковского-критика определялся тем, что он, прислушиваясь к себе, выявлял объективные закономерности построения литературного материала. Вот истинный источник творческого успеха! Научная методология Чуковского, как и «методология» его сказок вырастают из единого корня – его собственного «бессознательного», (наполняющего смыслом сознательные значения) диффундирующего в систему социальной практики. Этим же путем шел З. Фрейд в своем самоанализе открывая универсальные принципы организации человеческой души! Однако отношения этих двух сфер психической деятельности у венского ученого и советского классика различны, если у первого бессознательные содержания активно рекрутируются полем сознания, то у второго, скорее – сознательные формы оказываются востребованными бессознательными содержаниями. Впрочем, эти два процесса ни в коей мере не исключают друг друга, а скорее находятся в отношениях дополнительности.

В книге «Две души М. Горького», изданной в 1924 году К.И. писал, характеризуя «свой» метод: «...изучая писателя, я всегда ставил себе задачей подметить те стороны его дарования, *которых он сам не замечает в себе*, ибо только инстинктивное и подсознательное является подлинной основой таланта. Критик лишь тогда имеет право верить девизам, которые провозглашает художник, когда девизы эти гармонируют с бессознательными методами его творчества...» [28, с. 59-60]. По существу, это декларация психоанализа в литературоведении. Насколько критический метод Чуковского был близок аналитической парадигме можно убедиться, сравнив его с замечанием современного психоаналитика: «Эти связи представлены по видимости не связанными разговорами, перепрыгиванием от темы к теме, прерыванием одной мысли другой, сдвигом к экспрессивной манере действий.

Именно через подобные косвенные пути терапевт получает наиболее полезную информацию о внутренней жизни пациента или о протекании патологических процессов. Распознавание в последовательности тем, даже разнородных и не имеющих рациональной связи, постоянного однородного и важного сообщения – это основная задача для терапевта» [6, с. 177].

Но не только в бессознательной топографии писательской ментальности черпал Чуковский материал для новых находок и открытий, одним из первых в отечественном литературоведении осознал он множественные проекции личной истории писателя на его творчество и, если не всегда выводил прямые соответствия, то, всегда учитывал их при построении очередной модели авторской психологии. Вообще творчество писателя и его психология представлялись Чуковскому в неразрывной связи. Чем, более непростой и запутанной рисовалась последняя, тем более заслуживающим читательского внимания – первое. Литературное произведение не существовало для него в отрыве от личности его создателя. Чуковский до сего дня остается наиболее «психологичным» исследователем-филологом. Именно он положил начало психологическому литературоведению [4].

Освоение психоаналитического мышления, рецепция аналитического мировоззрения, думается, стало важной причиной тотального успеха «Чуковского проекта», в ситуации изначально мало способствовавшей гармоничному развитию его личности. «Рассматривая работы критика в совокупности, – пишет И. Лукьянова – остается только удивляться тому, что самоучка, не имевший никакого последовательного, фундаментального образования, смог создать вполне работоспособную систему критической оценки литературных явлений, под которые легко и непротиворечиво подводится филологический (психологический, социологический, какой хотите) базис» [14, с. 157]. Удивляться, как раз то и не приходится, ибо К. Чуковский, возможно, как никто другой в русской литературе, в отечественной науке был честен и искренен, и, что еще важнее – последователен в своей честности. Возможно, честность его была неосознанная, или полуосознанная, (была полутенью в сумеречной зоне пересечения осознания и бессознательного) и, именно поэтому-то она и стала возможной, благодаря своей полу-осознанности.

Как уже было замечено – идея Бессознательного «витала в воздухе», насыщая беспокойную атмосферу начала XX века взрывоопасной субстанцией философского скепсиса и антропологией декаданса. Идеи, созвучные представлениям З.

Фрейда, независимо от него высказывали многие российские интеллектуалы той эпохи. Чуковский встретил эти позитивистские веяния, может быть, более подготовленным, чем другие, причем не только теоретически, но и практически, – своей личной историей бастарда, весь душевный строй которого был пропитан гремучей смесью невротического конфликта. Психоанализ, прежде всего, как идеология самопрезентации, понимания себя, способ самосознания стал для К. Чуковского основой постижения Другого. Естественно, сквозь психоаналитическую призму рассматривал Чуковский и все проблемы детства, оттого бесхитростные воззрения иных «исследователей» кажутся ему скучными и убогими, о чем говорят дневниковые записи, например 1.03.1926: «В субботу я слушал ее доклад о детском фольклоре... прочитал сейчас Рыбникова «Детский язык». Скучно и туповато... Читаю Э.И. Станчинскую «Дневник матери». Очень интересно. Но Станчинская не замечает, что она говорит против себя».

Описания, казалось бы, совершенно «недетских» детских стремлений давно уже перестали быть исключительным уделом психоанализа, но только психоаналитический подход позволил понять, то колоссальное напряжение, те драматические переживания, которые испытывает ребенок в первые 4-5 лет своей жизни. Только психоаналитический инструментальный подход позволил раскрыть конкретные механизмы последовательного становления человеческой психики, долгого и болезненного превращения детской ментальности в сознание взрослого. Психоаналитической методологии принадлежит честь открытия фундаментальных закономерностей развития познавательной сферы, классические труды Э. Джонса, Г. Роршаха, Р. Шпица, Д. Шапиро выявляют неразрывную связь когнитивного аппарата, перцепции с базисными личностными структурами. Чуковский уловил эволюционную, дарвинистскую идею психоанализа, и именно этот, не самый очевидный и популярный аспект учения Фрейда он развивает в своем психолого-педагогическом труде «От двух до пяти» и в более ранних работах еще до Фрейда.

Несомненно, что и к сказочным текстам К. Чуковский применял подобный подход: «Лишенный Мюнхаузена, Гулливера, Конька-горбунка, ребенок бессознательно компенсирует себя множеством самоделковых сказок. Так что педологи, отняв у него народные сказки и сказки великих писателей (то есть, в сущности, ограбив его), совершили это ограбление зря и цели своей все равно не достигли» [29, т. 2, с. 200-201]. Бессознательное рисовалось ему животворящим источником творческой

фантазии, всей познавательной сферы личности, постоянно порождающем, генерирующем новые смыслы и идеи. Сказки в значительно большей степени, нежели тексты других жанров обладают потенциалом «бессознательной компенсации», нет сомнений в том, что Чуковский не только прекрасно понимал это, но и всячески использовал в творческой работе свое открытие.

Анализ разнородного материала позволяет утверждать, что в практической работе Чуковский опирался не только на собственные гениальные прозрения, но и на открытия психоаналитиков, преимущественно представителей, так называемой, британской школы психоанализа. Так в своей знаменитой научно-популярной книге «От двух до пяти» он излагает многие положения именно британской психоаналитической школы. В этой книге, ставшей в СССР педагогическим бестселлером, крайне аккуратный в цитировании и осторожный в высказываниях писатель, обычно не афиширующий внутренних источников своего интереса не удержался от искушения сослаться на работу ультрааналитического автора. В разделе «Дети о рождении» К.И. очень скромно цитирует не кого-нибудь, а Сюзен Айзекс – британского психоаналитика, ближайшую сотрудницу и, возможно, наиболее последовательную сторонницу Мелани Кляйн, называя ее, почему-то «один английский ученый» [29, т. 2, с. 118]. Большинство советов родителям, относительно поведения при вопросе ребенка «откуда берутся дети?» Корней Иванович заимствовал из седьмой главы работы С. Айзекс «Детские годы» [29, т. 2, с. 127-133]. Страница 115 выделена у него вся целиком, а многочисленные отметки на последующих, свидетельствуют о его живом интересе к этой проблеме (см. фото 1, 2).

Формат настоящего издания не позволяет, к сожалению, подробный экскурс в историю развития психоаналитической мысли, заметим, лишь, что современный психоанализ, значительно более кляйнианский, нежели фрейдистский. Теоретические концепции М. Кляйн широко используются в настоящем издании для понимания текстов К. Чуковского, что, несомненно, оправдано с методологической стороны, учитывая ранний интерес Чуковского именно к этому направлению психоанализа [10; 11].

Современному отечественному читателю труды С. Айзекс доступны в ограниченном масштабе, например в сборнике «Развитие в психоанализе», в котором опубликованы ее статья «Природа и функции фантазии» и совместная с П. Хайманн работа о регрессии [11]. В отличие от подавляющего большинства современных педагогов и филологов, Чу-

ковский был хорошо знаком с творчеством британских аналитиков о чем говорит наличие их книг в личной библиотеке Чуковского.

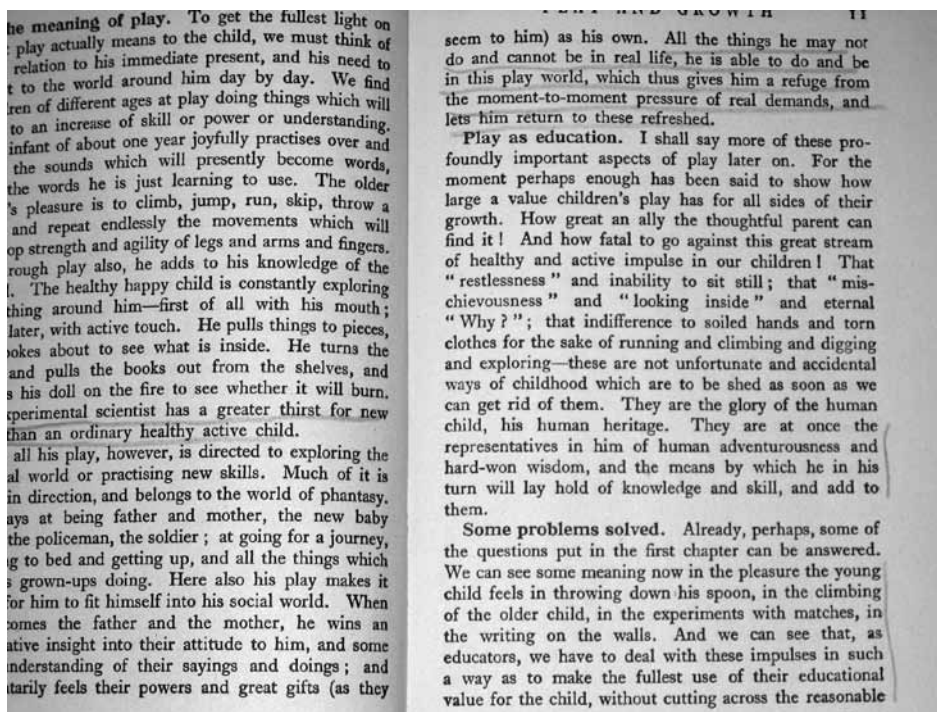
В своей работе, Чуковский ссылается на 16-ое издание ее книги «The Nursery Years». В библиотеке же Чуковского нами обнаружено, однако, более позднее, 17-ое издание монографии, со следами активной работы К.И. над текстом (см. фото 3, Isaacs S. The Nursery Years. London: Routledge and Kegan Paul LTD, 1956, 138 p. Место расположения книги – «второй кабинет», шифр в каталоге хранения 08/011). Данное обстоятельство позволяет говорить об устойчивом интересе К.И. именно к кляйнианскому направлению психоанализа, в те годы, представлявшего, едва ли не еретическое отклонение со столбовой дороги ортодоксального учения.

В книгах по психоанализу Чуковский оставил огромное количество помет, что красноречиво свидетельствует не просто о вдумчивом чтении, а об обширном труде, проделанном им для приемлемой ассимиляции психоаналитических концепций на почву советской педагогики. Разумеется, это мог сделать только человек, у которого психоаналитические знания составляли мировоззренческий фундамент.

Уже знакомый нам А.Н. Рубакин еще в 20-х годах прошлого века на основе работ З. Фрейда обосновал методику анализа читательских пометок, намного опередившую многие идеи современной когнитивистики и психолингвистики: «Исследование читательских пометок, относящихся к словам-отношениям, дает в высшей степени ценный материал для характеристики сложности, тонкости, координированности, отвлеченности и глубины читательских переживаний» [22, с. 178]. Вглядываясь в читательские пометки, Рубакин выделял различные когнитивные стили, противопоставляя их поверхностно-речевому слою: «Не следует смешивать тип гносеологический с типом словесного мышления» [22, с. 179].

Книга, которую изучал сказочник является бесценным свидетельством внутреннего мира писателя, той *via regia*, которая приводит нас к пониманию его истинных ценностей. Страницы буквально испещрены пометами и подчеркиваниями Чуковского-читателя. Обилие пометок, сделанных в книге, выделяет эту работу в огромной библиотеке писателя, делая ее немим свидетельством его умонстроений.

Анализируя манеру Чуковского работать с психоаналитической литературой, можно обнаружить ряд деталей характеризующих сферу его интересов. Чуковский, например, дифференцировал прочитанный текст по степени своего интереса

Изображение 1. Работа К.И. Чуковского над книгой С. Айзекс

(значимости), либо по возможности использовать те или иные фрагменты в своих будущих работах. На фото 1 видно, что те фрагменты текста, которые казались ему более интересными, Чуковский отмечал красным карандашом.

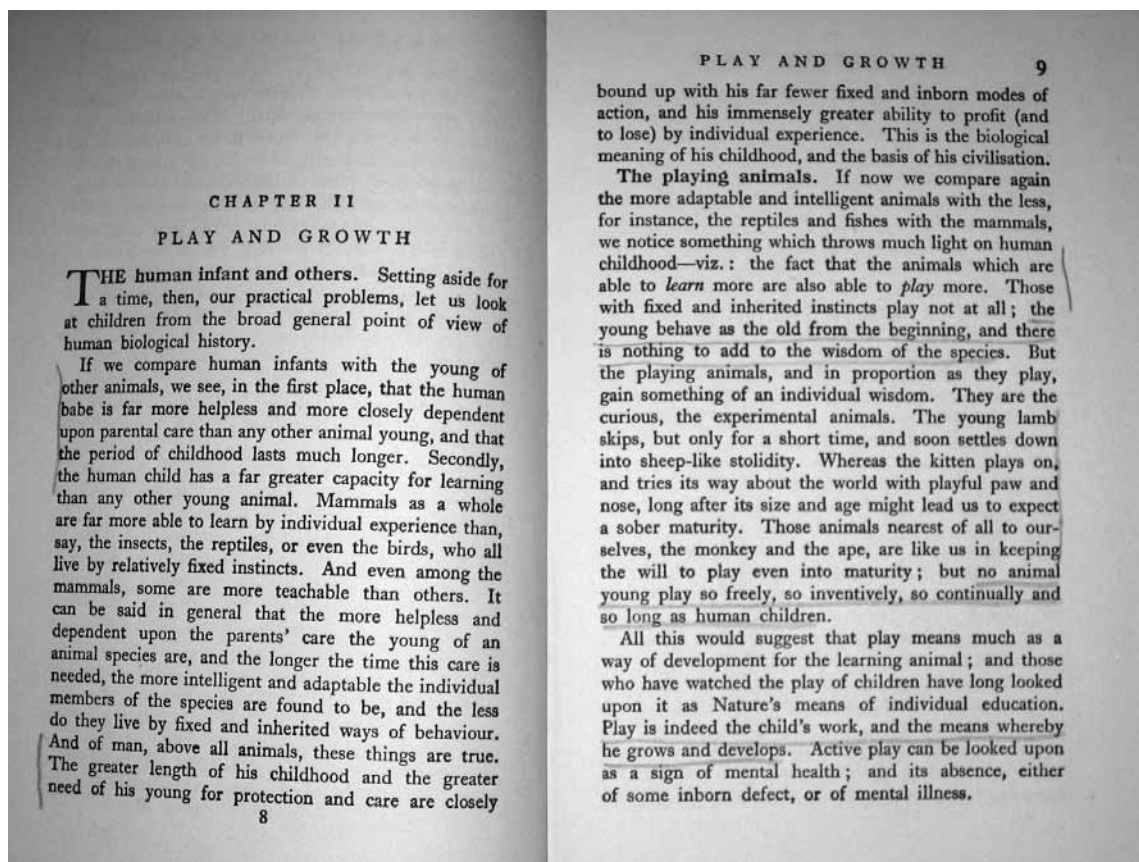
Пристальный интерес Чуковского вызвали исследования британских аналитиков процесса детской игры. Замечание С. Айзекс показалось ему особенно важным: «Все, что не способен сделать ребенок в действительности, он в состоянии сделать в этом мире игры, который таким образом дает ему убежище от давления реальных требований, и позволяет ему возвращаться к ним с новыми силами». Это классическое для кляйнианской школы (а сегодня и для всего психоанализа) положение перекочевало в книгу «От двух до пяти» практически дословно, причем, как мы видели, Чуковский дал ссылку на источник.

В «От 2 до 5» Чуковский иллюстрирует это психоаналитическое положение «клиническим» наблюдением: «так поступил, например, пятилетний Волик Шмидт, сын академика Отто Юльевича Шмидта (кстати, одного из пионеров и ревнителей отечественного психоанализа – ИП), когда его мать откровенно сообщила ему подлинные и подробные сведения о происхождении детей. Он тотчас же стал импровизировать длинную повесть о своей жизни в материнской утробе...» [29, т. 2, с. 130]. На фото 2 видно, что Чуковский внимательно изучал мнение С. Айзекс по этому вопросу.

Многие идеи кляйнианцев – С. Айзекс, Дж. Райвери, П. Хайманн, Д. Розенфельда созвучны мыслям Чуковского [11]. Даже, если оставить вопрос о прямых заимствованиях писателем британской аналитической методологии, очевидна идеологическая общность в вопросах понимания ментального развития детей, символической функции мышления. Чуковский, еще в 1911 году в статье «Малые дети и великий Бог» писал о мышлении ребенка: «Нашей взрослой системы мира он еще принять не в состоянии, – у него почти нет еще ни чувства времени, ни чувства пространства, – и вот он создает себе свою, которая потом отпадает от него, как отпадает хвост от головастика, когда тот становится лягушкой. Это очень точное сравнение: ребенок столько же похож на человека, сколько головастик на лягушку. И тот и другой не просто вырастают, а с головы до ног перерождаются, обретают как бы второе бытие. И многое у них, у обоих, развивается временно, не для того, чтобы потом укрепиться, а для того, чтобы потом отпасть. Но не нужно отгрызать головастику хвост! От этого он не станет лягушкой. Напротив, пускай этот хвост вырастает во всю длину: чем скорее он вырастет, тем скорее его не будет!» [27].

Еще задолго до того, как М. Кляйн заинтересовалась психоанализом, Чуковский высказал совершенно кляйнианскую идею, причем, примеряя её к детской литературе: «задача детского журнала вовсе не в том, чтобы лечить детей от детского без-

Изображение 2. Отметки К.И. Чуковского в книге С. Айзекс

умия – они вылетят в свое время и без нас, – а в том, чтобы войти в это безумие..., как это в последнее время хорошо уловили в Европе». [29, т. 2]

Главное отличие позиции К. Чуковского от позиции подавляющего большинства отечественных педагогов, психологов и детских писателей в том, что он совершенно по-особому смотрит на ребенка и его мир. Отсюда и оригинальный взгляд на журнал для детского чтения. Ребенок «создает свой мир, свою логику и свою астрономию, и кто хочет говорить с детьми, должен проникнуть туда и поселиться там, дети живут в четвертом измерении, они в своем роде сумасшедшие, ибо твердые и устойчивые явления для них шатки, и зыбки, и текучи. Мир для них, воистину – «творимая легенда»». [29, т. 2].

Уяснить место, которое занимали психоаналитические концепции, преимущественно британской школы в мировоззрении Чуковского помогает блестящая работа Чуковского по детской психологии «От двух до пяти» [29, т. 2]. Эту книгу сложно назвать научной в современном понимании термина, тем не менее, в ней представлен обширный материал по развитию детской речи и психики в целом, сделаны серьезные обобщения и выводы.

PLAY AND GROWTH 9

bound up with his far fewer fixed and inborn modes of action, and his immensely greater ability to profit (and to lose) by individual experience. This is the biological meaning of his childhood, and the basis of his civilisation.

The playing animals. If now we compare again the more adaptable and intelligent animals with the less, for instance, the reptiles and fishes with the mammals, we notice something which throws much light on human childhood—viz.: the fact that the animals which are able to *learn* more are also able to *play* more. Those with fixed and inherited instincts play not at all; the young behave as the old from the beginning, and there is nothing to add to the wisdom of the species. But the playing animals, and in proportion as they play, gain something of an individual wisdom. They are the curious, the experimental animals. The young lamb skips, but only for a short time, and soon settles down into sheep-like stolidity. Whereas the kitten plays on, and tries its way about the world with playful paw and nose, long after its size and age might lead us to expect a sober maturity. Those animals nearest of all to ourselves, the monkey and the ape, are like us in keeping the will to play even into maturity; but no animal young play so freely, so inventively, so continually and so long as human children.

All this would suggest that play means much as a way of development for the learning animal; and those who have watched the play of children have long looked upon it as Nature's means of individual education. Play is indeed the child's work, and the means whereby he grows and develops. Active play can be looked upon as a sign of mental health; and its absence, either of some inborn defect, or of mental illness.

Начало этому капитальному труду было положено еще в 1909 году статьей «О детском языке» [5, с. 97], в дальнейшем книга постоянно совершенствовалась, выдержав более трех десятков переизданий. Как и во многих других жанрах, Чуковский и в научно-популярной книге делает попытку разобраться в себе, проследить истоки собственного речетворчества. Примечательно, что в самом начале книги Чуковский ненавязчиво знакомит читателя с концепцией неосознанного восприятия и поведения [29, т. 2, с. 15]. Работая над «От двух до пяти» Чуковский, как и подобает серьезному исследователю, подробно анализировал накопленный мировой опыт в области детского развития и воспитания. Вполне логично, что он обратился к доступным ему англоязычным авторам, многие из которых были ему хорошо известны еще из советских публикаций 1920-30-х годов. У англоязычных аналитиков заимствовал К. Чуковский не только содержательные моменты, но и форму изложения, столь не характерную для принятой в те времена тяжеловесной советской педагогики. Стиль его замечательной книги – удивительно легкий, понятный, без претенциозной наукообразной зауми, так не похож на официальные педагогические трак-

таты. Естественно, что в своих исканиях, прежде всего, он обратился к аналитическому опыту – на собственном примере писатель убедился в том, что учение Фрейда всеильно, ибо оно верно! В своем труде Чуковский использует открытия британских психоаналитиков, наиболее продвинувшихся в понимании развития детской психики. Впрочем, и собственный его опыт внимательного наблюдения, исследования детской психики вполне согласуется с идеями британцев.

Так, в «От двух до пяти» Чуковский высказывает еще одну кляйнианскую идею в духе Д.В. Винникота: «Мне много раз случалось убеждаться, как хорошо забронирован ребенок от ненужных ему мыслей и сведений, которые его воспитатели навязывают ему преждевременно. Если мать ли отец, не считаясь с возрастными потребностями ребенка, попытаются сообщить ему полную и неприкрытую «истину» о зачатии, ребенок по законам своего детского мышления непременно превратит эту «истину» в материал для безоглядной фантастики» [29, т. 2, с. 129].

Известный литературовед, Б. Сарнов считает, что книга Чуковского не имеет «аналогов в мировой литературе» [23, с. 749], однако это не совсем верно. В библиотеке К. Чуковского имеется англоязычный прототип, представляющий фундаментальный психоаналитический труд по детской психологии, который великий сказочник, несомненно, использовал при написании позднейших изданий собственной книги.

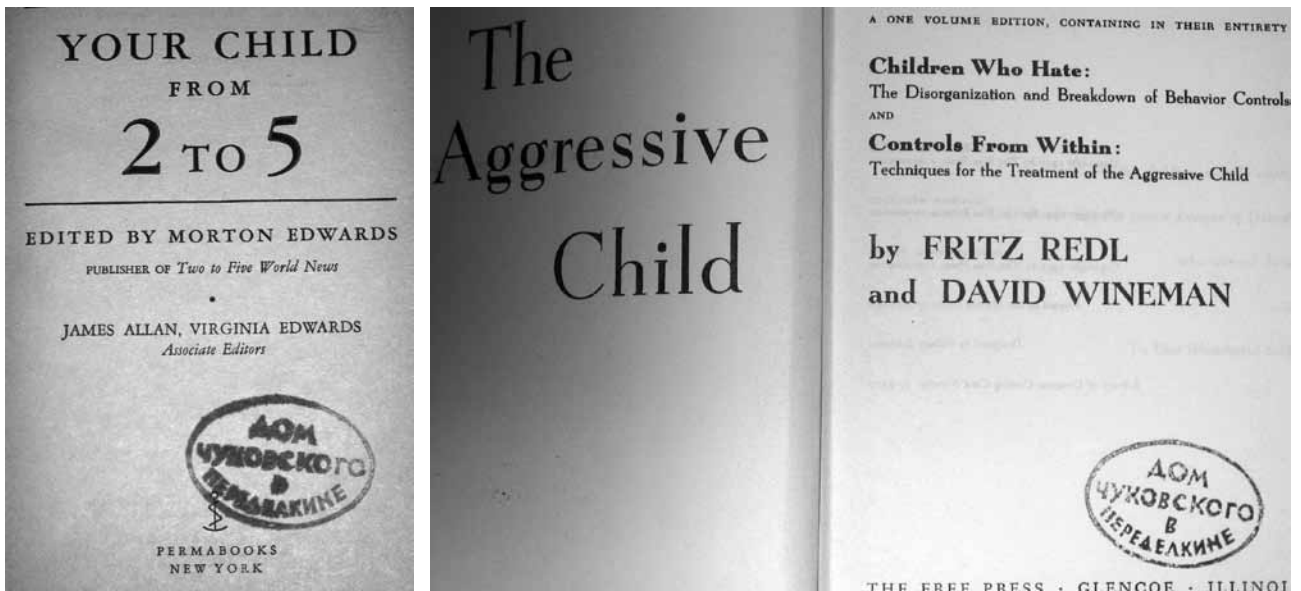
Само название знаменитой книги, этой вершины отечественной популярной педагогики – «От двух до пяти» далеко не случайно и связано с психоаналитической периодизацией детского развития [24; 30]. Классические труды представителей других направлений, как отечественных, так и зарубежных дают иную датировку ключевых этапов становления детской психики [31]. Независимо от исследований Чуковского американские аналитически ориентированные авторы Джеймс Аллан и Вирджиния Эдвардс дают своей книге, практически то же название (см. рис. 3).

Показательно, что американские педагоги фокусируют внимание на этой возрастной группе. Если Фрейд утверждал, что возраст около двух лет – время «окончания» оральной фазы и «начала» анальной, то для аналитиков кляйнианского направления это период становления и развития «депрессивной позиции». Это период, когда базисные психические структуры максимально дифференцируются и развиваются, когда формируются важнейшие психологические механизмы, это период наиболее стремительного и напряженного дви-

жения человеческой психики к взрослому состоянию. Это время наибольшей «чувствительности» психического аппарата к внешним влияниям и внутренним нарушениям различного рода. Напомним, что и в персональной истории писателя этот период отмечен травматичными событиями – уходом из семьи отца, вероятной депрессией матери, переездом в другой город. Психическая динамика ребенка также оказалась повреждена сбоем в системе идентификации и последующим лавинообразным наложением эволюционных структур и процессов. Нет ничего удивительного в том, что мы находим экземпляр этого издания в библиотеке Чуковского! Как и в случае с другими трудами психоаналитиков, мы обнаруживаем в нем следы кропотливой работы сказочника-педагога. Как и в детских сказках, в своей педагогической поэме Чуковский пытается исправить внутреннюю дисторсию, создает полезнейшее средство для общего пользования. Можно сказать, что его введение в психологию ребенка содержит важнейшие рекомендации по воспитанию. Даже самые отъявленные скептики будут вынуждены признать, что ничего лучшего в России не создано до настоящего времени. Книга «От 2 до 5» – аутентичная работа Чуковского, тем знаменательнее его собственное признание в письме к заокеанскому собеседнику Соне Г.: «Знаете ли Вы мою «От двух до пяти»? Там каждая строчка – я» [29, т. 15, с. 664].

Еще одна тема, специфически маркирующая психоаналитическую идеологию – детское влечение к разрушению, вызывает в общественном сознании протест не менее искренний и простодушный, чем пресловутая «сексуальность» ребенка. Сопроотивление неискушенного читателя можно понять – обе темы провоцируют когнитивный диссонанс у любого взрослого человека. Для Фрейда инфантильная агрессивность уравновешивалась инфантильной же полиморфно-сексуальной перверзностью, однако в работах М. Кляйн и ее последователей тема детской деструктивности выходит на первый план, оттесняя проблемы психосексуального развития и синтеза частичных влечений в зрелый генитальный порыв [10]. «Деструдо» – мощная деструктивная энергия занимает центральное место в теории и практике кляйнианских терапевтов [10; 11].

Чуковский и в своей «книге для родителей» и в многочисленных статьях уделял большое внимание этой проблеме. И сама постановка вопроса и способы разрешения затруднений, родительской помощи ребенку, предлагаемые писателем свидетельствуют о его активном стремлении использовать аналитическую методологию. «Хорошо ли это,

Изображение 3. Коллективный труд американских психологов «Ваш ребенок от 2 до 5».
Изображение 4. Книга «Агрессивные дети», американских психоаналитиков Ф. Редля и Д. Винемана

что шестилетний ребенок жаждет убивать и калечить? Хорошо ли, что он непрерывно живет впечатлениями крови, убийства и злобы? – задается вопросом И. Лукьянова устами Чуковского и его же словами отвечает – военные игры – неизбежный этап взросления ребенка, гневаться – его «законное право»: «возмущенное нравственное чувство есть огромная социальная сила, и подавлять ее в будущем гражданине нельзя. Нужно только, чтобы воспитатель умел разумно направлять это чувство, обуздывать, регулировать его» [14, с. 259]. И в этом вопросе советский сказочник следовал аналитической традиции, скрупулезно изучая её бесценный опыт. В библиотеке писателя мы обнаруживаем немые свидетельства его подвижнической работы.

Чуковский неспроста заинтересовался природой внутренней детской агрессивности. Ему было очевидно, что упрощенный вульгарно-социологический подход, культивируемый советской педагогикой, не мог решить всех проблем. Чуковский понимал, что большая часть агрессивности имеет внутренний, «эндогенный» характер, совершенно естественна и для ее утилизации необходимы не административные меры, а длительное и сложное взаимодействие с родительскими фигурами. Внимание писателя привлек случай мальчика, подвергавшегося сексуальным провокациям со стороны его бабушки проститутки. По отметкам на страницах книги, где приводится этот случай, мы можем судить о том, что заинтересовало его в истории мальчика Сэма. Для Чуковского очевидна связь агрессивных и сексуальных импульсов, он отмечает описание истерического приступа полиморф-

но-сексуальной структуры, в котором брутальная агрессивность сопровождается хаотичным мельканием прегенитальных позывов оральной, анальной и фаллической формы. Писатель подчеркивает те строки, в которых описана реакция терапевта на агрессивно-сексуальные действия ребенка, взрослый реагирует спокойно, но однозначно демонстрируя свое неприятие подобного поведения, одновременно проговаривая свое понимание внутренних, эмоциональных затруднений ребенка. По сути дела речь идет о терапевтической интерпретации, обычно применяемой с пациентами пограничного профиля, в которой вместо осуждения неприемлемого поведения оно связывается с эмоциональным состоянием, которое сам пациент затрудняется распознать и соответственно квалифицировать. Эта типично аналитическая техника показала К. Чуковскому достойной внимания.

Интерес Чуковского не ограничивается только описанием полиморфной сексуальности детских извращений, писательские пометки говорят о том, что его интересует подоплека детской сексуальности и агрессивности, *психологические механизмы*, стоящие за поведенческими реакциями и симптомами, эндопсихические структуры и система психических защит. Отметки, оставленные прямо в тексте красноречиво свидетельствуют о том, что Чуковский свободно ориентировался в сложной для неподготовленного читателя психоаналитической терминологии.

Даже в игре со своим правнуком Бобой, Чуковского интересует исследование ребенком «природы вещей (natura rerum)» [29, т. 13, 255]. Инте-

sations. The degree to which these most primitive ocular feelings continued to flood the transference reaction was quite amazing.

Tonight, just before bedtime, there was a display of group revolution against going to bed in which Sam and Joe co-starred. The usual scheme of an aggressive raid through the house was afoot and was timed to begin right after, or during, the last few minutes of treat. Sam and Joe were provoked by quick interference on my part into a premature attempt to rally the group and only the hesitation of the rest of them to follow Sam and Joe, because of my very strong demands, avoided a group riot. Because they could not arouse any group support, the two boys, and especially Sam, began hurling perverse sex insults and invitations at me. Sam lowered his pajama pants and exhibited his penis; he invited me to "suck him off" and, when I ignored this, he got wilder and wilder, finally stirring up so much excitement that I had to take him into the office. He then lay down immediately on the floor, face downward, and insisted in an hysterical squealing voice that I was going to "fuck" him and chanted it over and over again, making coitus movements towards the floor. I asked him why he was doing this and he said that I was making him do it. When I expressed amazement that he could even think such a thing, he switched to saying the devil was making him do it. When I asked if he really heard the devil talk to him, he tittered and replied that I was talking silly. (Entry: 12/27/46, David Wineman)

Изображение 5. Отметки К.И. Чуковского в книге «Агрессивные дети»

ресно, что и З. Фрейд, наблюдая игру с катушкой своего внука пришел к интересным теоретическим обобщениям. Вполне возможно, Чуковский руководствовался указаниями Дильтея: «Энергия душевной жизни ребенка становится действенной и высвобождается в игре, потому что иного простора она для себя пока не обрела; коль скоро воле серьезные цели еще не даны действительностью, то она сама полагает себе таковые – лежащие вне пределов взаимосвязи реального. В позднейшей жизни признаком игры становится то, что действия, совершаемые в игре, не обладают причинностью для взаимосвязи целей, что присуща жизни. Так игра расходится с серьезностью действительной жизни, зато сходится в этом отношении с искусством, с поэзией. Возникающая тут иллюзия основывается на произвольных душевных процессах, а потому ее граница – это сознание такого ее истока» [8, 344]. Но круг идей Дильтея складывался параллельно воззрениям Фрейда, недаром к исследованию детской игры помимо Фрейда обратилась целая плеяда великих психоаналитиков от М. Кляйн до Д. Винникотта.

К. Чуковский несомненно повторил путь самоисцеления, которым следовал первооткрыватель психоанализа, а во многом, как это не покажется странным – пошел даже дальше Фрейда. Его «психоанализ» не рекламен, в отличие от фрейдовского – незаметен, его целебное действие не осознается, несмотря на колоссальный оздоравливающий эффект, по могучей же силе воздействия на миллионы, ни современный психоанализ, ни тем более психоанализ, времен Фрейда не могут соперничать с творениями Чуковского [1; 26].

К. Чуковский, кажется, первым из русских мыслителей постиг нетривиальную идею постоянного диффузного присутствия Бессознательного в социальном, по определению, вроде бы, конституирующем сознание. За давностью лет, укрывающих сакральное рождение подобной концепции невозможно различить причинную последовательность: то ли знакомство К.И. с психоанализом открыло ему новые горизонты социальной кибернетики, то ли, наоборот, бурлящие общественные процессы, непосредственным участником, которых он стал, подтолкнули его к более глубокому осмыслению аналитического мировоззрения. Для нас, с детства впитавших образы и сюжеты творчества великого сказочника, важно, что оно насквозь пропитано психоаналитической идеологией [12; 13; 17; 18].

Несмотря на неожиданную парадоксальность следующего суждения, мы приходим к выводу, что Чуковский последовательно прививал советской ментальности весь комплекс психоаналитических концепций кляйнианского направления. Сопоставляя метапсихологические изыскания доктора Фрейда и радикальные эксперименты советского сказочника в области социальной инженерии, мы обнаруживаем фундаментальные психологические эффекты последствия, которых в социальной сфере трудно переоценить. В то время как эпатурирующие концептуализации Фрейда были встречены, искушенной позитивизмом научной общественностью со скепсисом, порой переходящим в явное неприятие, те же самые идеи изящно выраженные Чуковским в приемлемой для обыденного сознания форме, понятным и доступным языком, вполне овладели массами в обществе гораздо менее толерантным и рациональным.

Мы видим пример того, как самая отчаянная идея, сформулированная конгруэнтно субъективной семантике потенциального реципиента без труда ассимилируется в его психике. Терминология Фрейда носила отчетливо рекламный характер, свои концепции он позиционировал как интеллектуальные события равные открытиям Коперника и Дарвина. Несмотря на то, что по существу это было правдой, такая беспардонная претенциозность вызвала отторжение не только в научной среде, но и, с учетом общегуманитарного масштаба претензии, – в обществе. Чуковский вел себя скромнее, он не претендовал на открытие вселенского уровня, не сотрясал основ мироздания, не кричал, что нашел ключи от самого сокровенного тайника природы, глумливо вертя самодельной отмычкой. Он просто писал сказки. Так же просто он написал книгу для родителей, которую в СССР раскупали сразу же, как только она появлялась в магазинах.

Список литературы:

1. Азизян Е.А. Добрый мир сказок Чуковского // Начальная школа. 1972, № 3. С. 70-83.
2. Андроников И. Он раздвинул границы литературы // Воспоминания о Корнее Чуковском. М.: Сов. писатель, 1983. С. 475-477.
3. Аствацатуров М.И. Обзор современных данных о символике сновидений и их диагностическое значение // Сов. врач. газета. 1935, №1. С. 6
4. Белянин В.П. Психологическое литературоведение. Текст как отражение внутренних миров автора и читателя. М.: Генезис, 2006. 320 с.
5. Берман Д.А. Корней Иванович Чуковский: Библиографический указатель. М., Русское библиографическое общество, 1999, 468 с.
6. Блос П. Психоанализ подросткового возраста. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2010. 272 с.
7. Грудцова О. // Минувшее: Исторический альманах. 19. М., СПб.: Atheneum, Феникс, 1996. С 76-158.
8. Дильтей В. Воображение поэта. Элементы поэтики // Собрание сочинений в 6 тт. Т. 4: Герменевтика и теория литературы. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001. С. 263-421.
9. Друзья, бабочки и монстры. Из переписки Владимира и Веры Набоковых с Романом Гринбергом. / Вст. ст., публ. и коммент. Р. Янгирова // Диаспора: Новые материалы. Париж; СПб: Athenaeum-Феникс, 2001. С. 447-556.
10. Клайн М. Зависть и благодарность. Исследование бессознательных источников. СПб.: Б.С.К., 1997. 96 с.
11. Клайн М., Айзек С., Райверс Дж., Хайманн П. Развитие в психоанализе. М.: Академический проект, 2001. 512 с.
12. Кузьмина М.Ю. Страшное в сказках К. Чуковского // Проблемы детской литературы. Петрозаводск, 1995. С. 57-69.
13. Кусургашева Э.С. За что дети любят сказки Чуковского // Дошкольное воспитание. 1959, № 8. С. 92-95.
14. Лукьянова И.В. Корней Чуковский. М.: Молодая гвардия, 2006. 989 с.
15. Овсяннико-Куликовский Д.Н. Литературно-критические работы. В 2-х т. Т. 1. Статьи по теории литературы. / Вступ. ст. Ю. Манна. М.: Худож. лит., 1989. 542 с.
16. Оршанский И.Г. Сон и бодрствование с точки зрения ритма. СПб., 1878. 165 с.
17. Пудиков И.В. Сублимация эдипального конфликта в творчестве К.И. Чуковского («Мойдодыр») // Психоаналитический вестник. 2004, Вып. 12. С. 214-228.
18. Пудиков И.В. Динамика бессознательных психических процессов по материалам сказок К.И. Чуковского // Эдип. 2007, № 1. С. 96-99.
19. Пудиков И.В. Соотношение структурных и статистических показателей творчества К.И. Чуковского // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Специальный выпуск «Актуальные проблемы психологии». Самара: СНЦ РАН, 2007. С. 291-297.
20. Пудиков И.В. Дневник К.И. Чуковского как источник творческого саморазвития писателя // Творческая индивидуальность писателя: мир, образ, язык. Материалы I Всероссийской научно-практической конференции, Нижний Тагил, 29 февраля 2012 г. / отв. ред. Ю.В. Несынова. Ниж. Тагил: НГСПА, 2012. С. 263-268.
21. Пудиков И.В. Категория «бессознательного» как элемент художественной картины мира в творчестве К.И. Чуковского – критика и литературоведение // Язык – Текст – Дискурс: Картина мира в свете разных подходов. Сб научн. статей / Под ред. проф. Н.А. Илюхиной. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2013. 289 с.
22. Рубакин А.Н. Психология читателя и книги. М.: Книга, 1977. 264 с.
23. Сарнов Б.М. Чуковский К.И. // Русские писатели 20 века. М.: БРЭ / Рандеву-М. 2000. С. 748-750.
24. Тайсон Р., Тайсон Ф. Психоаналитические теории развития. Екатеринбург: Деловая книга, 1998, 528 с.
25. Тепляков А. По-новому о старом Чуковском // Сибирские огни. 2007, № 10. С. 183-187.
26. Чудинова В.П. Литературная социализация детей и подростков // Социологические исследования. 1992, № 2. С. 83-89.
27. Чуковский К.И. Малые дети и великий Бог // Речь. 10.07.1911. С. 2-3.
28. Чуковский К.И. Две души М. Горького. Л.: Изд. А.Ф. Маркс, 1924. 80 с.
29. Чуковский К.И. Собрание сочинение: В 15 т. М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2001-2009.
30. Шторк Й. Психическое развитие маленького ребёнка с психоаналитической точки зрения // Энциклопедия глубинной психологии. Т. 2. М., 2001. С. 134-198.
31. Эльконин Д. Б. К проблеме периодизации психического развития в детском возрасте // Вопр. психол. 1971. № 4. С. 6-20.

References (transliterated):

1. Azizyan E.A. Dobryi mir skazok Chukovskogo // Nachal'naya shkola. 1972, № 3. S. 70-83.
2. Andronikov I. On razdvinul granitsy literatury // Vospominaniya o Kornee Chukovskom. M.: Sov. pisatel', 1983. S. 475-477.
3. Astvatsaturov M.I. Obzor sovremennykh dannyykh o simvolike snovidenii i ikh diagnosticheskoe znachenie // Sov. vrach. gazeta. 1935, №1. S. 6
4. Belyanin V.P. Psikhologicheskoe literaturovedenie. Tekst kak otrazhenie vnutrennikh mirov avtora i chitatelya. M.: Genезis, 2006. 320 s.
5. Berman D.A. Kornei Ivanovich Chukovskii: Bibliograficheskii ukazatel'. M., Russkoe bibliograficheskoe obshchestvo, 1999, 468 s.
6. Blos P. Psikhooanaliz podrostkovogo vozrasta. M.: Institut Obshchegumanitarnyykh Issledovaniy, 2010. 272 s.
7. Grudtsova O. // Minuvshee: Istoricheskii al'manakh. 19. M., SPb.: Atheneum, Feniks, 1996. S 76-158.
8. Dil'tei V. Voobrazhenie poeta. Elementy poetiki // Sobranie sochinenii v 6 tt. T. 4: Germenevtika i teoriya literatury. M.: Dom intellektual'noi knigi, 2001. S. 263-421.

9. Druz'ya, babochki i monstry. Iz perepiski Vladimira i Very Nabokovykh s Romanom Grinbergom. / Vst. st., publ. i komment. R. Yangirova // Diaspora: Novye materialy. Parizh; SPb: Athenaum-Feniks, 2001. S. 447-556.
10. Klyain M. Zavist' i blagodarnost'. Issledovanie besoznatel'nykh istochnikov. SPb.: B.S.K., 1997. 96 s.
11. Klyain M., Aizeks S., Raiveri Dzh., Khaimann P. Razvitie v psikhooanalize. M.: Akademicheskii proekt, 2001. 512 s.
12. Kuz'mina M.Yu. Strashnoe v skazkakh K. Chukovskogo // Problemy detskoj literatury. Petrozavodsk, 1995. S. 57-69.
13. Kusurgasheva E.S. Za chto deti lyubyat skazki Chukovskogo // Doshkol'noe vospitanie. 1959, № 8. S. 92-95.
14. Luk'yanova I.V. Kornei Chukovskii. M.: Molodaya gvardiya, 2006. 989 s.
15. Ovsyaniko-Kulikovskii D.N. Literaturno-kriticheskie raboty. V 2-kh t. T. 1. Stat'i po teorii literatury. / Vstup. st. Yu. Manna. M.: Khudozh. lit., 1989. 542 s.
16. Orshanskii I.G. Son i bodrstvovanie s tochki zreniya ritma. SPb., 1878. 165 s.
17. Pudikov I.V. Sublimatsiya edipal'nogo konflikta v tvorchestve K.I. Chukovskogo («Moidodyr») // Psikhooanaliticheskii vestnik. 2004, Vyp. 12. S. 214-228.
18. Pudikov I.V. Dinamika besoznatel'nykh psikhicheskikh protsessov po materialam skazok K.I. Chukovskogo // Edip. 2007, № 1. S. 96-99.
19. Pudikov I.V. Sootnoshenie strukturnykh i statisticheskikh pokazatelei tvorchestva K.I. Chukovskogo // Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiiskoi akademii nauk. Spetsial'nyi vypusk «Aktual'nye problemy psikhologii». Samara: SNTs RAN, 2007. S. 291-297.
20. Pudikov I.V. Dnevnik K.I. Chukovskogo kak istochnik tvorcheskogo samorazvitiya pisatelya // Tvorcheskaya individual'nost' pisatelya: mir, obraz, yazyk. Materialy I Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, Nizhnii Tagil, 29 fevralya 2012 g. / otv. red. Yu.V. Nesynova. Nizh. Tagil: NGSPA, 2012. S. 263-268.
21. Pudikov I.V. Kategoriya «besoznatel'nogo» kak element khudozhestvennoi kartiny mira v tvorchestve K.I. Chukovskogo – kritika i literaturoveda // Yazyk – Tekst – Diskurs: Kartina mira v svete raznykh podkhodov. Sb nauchn. statei / Pod red. prof. N.A. Ilyukhinoi. Samara: Izd-vo «Samarskii universitet», 2013. 289 s.
22. Rubakin A.N. Psikhologiya chitatelya i knigi. M.: Kniga, 1977. 264 s.
23. Sarnov B.M. Chukovskii K.I. // Russkie pisateli 20 veka. M.: BRE / Randevu-M. 2000. S. 748-750.
24. Taison R., Taison F. Psikhooanaliticheskie teorii razvitiya. Ekaterinburg: Delovaya kniga, 1998, 528 s.
25. Teplyakov A. Po-novomu o starom Chukovskom // Sibirskie ogni. 2007, № 10. S. 183-187.
26. Chudinova V.P. Literaturnaya sotsializatsiya detei i podrostkov // Sotsiologicheskie issledovaniya. 1992, № 2. S. 83-89.
27. Chukovskii K.I. Malye deti i velikii Bog // Rech'. 10.07.1911. S. 2-3.
28. Chukovskii K.I. Dve dushi M. Gor'kogo. L.: Izd. A.F. Marks, 1924. 80 s.
29. Chukovskii K.I. Sobranie sochinenie: V 15 t. M.: TERRA–Knizhnyi klub, 2001-2009.
30. Shtork I. Psikhicheskoe razvitie malen'kogo rebenka s psikhooanaliticheskoi tochki zreniya // Entsiklopediya glubinnoi psikhologii. T. 2. M., 2001. S. 134-198.
31. El'konin D. B. K probleme periodizatsii psikhicheskogo razvitiya v detskom vozraste // Vopr. psikhol. 1971. № 4. S. 6-20.